

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социальной психологии Институ-
та социологии НАН Украины*

Идентичность в координатах нестабильности

**Українське студентство у пошуках ідентичності / За
ред. В.П.Арбеніної, Л.Г.Сокурянської. — Харків:
ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. — 520 с.**

Поиски идентичности — естественное состояние молодого человека. На личностном уровне этот процесс исследуется в координатах конструирования одиночества, на групповом уровне исследовательский акцент переносится на социальные координаты конструирования коллективной идентичности. Непростое само по себе исследование значительно усложняется, когда социальные координаты утрачивают постоянство. В условиях нестабильности процесс поиска идентичности молодежью постоянно меняет очертания, поскольку зависит от динамики социальных изменений. Очевидно, что решить такую задачу по силам только мощному исследовательскому коллективу, сконцентрированному на изучаемом феномене длительное время. Именно такую попытку предприняли социологи Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. Опираясь на ряд исследований, проводившихся среди украинского студенчества в 2000-е годы, авторский коллектив получил возможность проследить динамику формирования социальной идентичности молодежи. В центре идентификационных координат авторы поместили гражданскую идентичность, исследуя ее формирование в сочетании с этнической, региональной, политико-идеологической, религиозной и другими идентичностями. В то же время общий круг исследуемых в монографии проблем достаточно широк, а значит, можно говорить, что перед нами фактически попытка создать социальный портрет украинского студенчества, причем исследовать его изменения в течение последнего десятилетия.

Монография весьма масштабна, в ней более пятисот страниц. Наряду с этим книга имеет продуманную конфигурацию, можно сказать, что она “дружественна к читателю”. В значительной степени это заслуга руководителей авторского коллектива, сумевших выстроить общую схему изложения и обеспечить ее представление в текстах. Общее введение знакомит читателя с идеей проекта и исполнителями. Причем речь идет не только об авторах текстов. На двух страницах текста выражены благодарности коллегам — социологам из Украины, России и Беларуси, которые помогли в осуществлении эмпирических исследований. Хотя выборки в российской и белорусской частях опросов не всегда репрезентативные, сравнение, если учесть гомогенность изучаемой группы в силу центрального стержня исследования, мож-

но считать корректным, по крайней мере когда речь идет об общих тенденциях сходства или различий.

Два относительно независимых раздела книги посвящены идентичностям и жизненным ориентациям и практикам. Оба раздела состоят из подразделов, которые делятся на теоретико-установочные и теоретико-прикладные. В исходных подразделах определяются концептуальные основания исследования. Эти тексты не просто глубоко проработаны и сразу же погружают читателя в современный социологический дискурс. Главное, что они остаются ключевыми для авторов последующих подразделов, определяя общую платформу всего исследования. Вместе с тем и подразделы, в которых анализируются эмпирические результаты, не случайно обозначены как теоретико-прикладные. Каждый из них содержит собственное теоретическое обоснование, сфокусированное на углубленном анализе определенного сектора общего исследовательского круга. Следует подчеркнуть, что авторы не оставляют без внимания другие украинские исследования сходной проблематики. Иногда это довольно сложно, учитывая характер исследовательского инструментария, однако применение его к специфической социальной группе безусловно дает новое знание.

Что же ожидает читателя, который вместе с авторами отправляется на поиски идентичности украинского студенчества? Прежде всего это констатация того, что “современное поколение украинской молодежи в своем преобладающем большинстве уже достаточно глубоко интегрировано в сообщество граждан Украины, как на рациональном, так и на ценностно-эмоциональном уровне” (с. 66). И хотя результаты исследования подтверждают подвижность социальных координат, в которых происходит идентификация, в частности то, что “преждевременно говорить о сформированности и устойчивости политико-идеологических предпочтений украинского студенчества” (с. 223), авторский анализ дает основания для выводов об уверенном освоении молодежью как этнокультурной, так и гражданской идентичности. Сложность и противоречивость этого процесса во многом обусловлены тем, что в социальных координатах, очерчивающих границы идентификации, все еще не определена приоритетность “этнокультурной” или “политической” модели нации. В то же время на личностном уровне проблема объединения этнического и гражданского для большинства студентов не представляется сложной. Так, исследователи констатируют, что украинскому студенчеству присуще состояние “этнического спокойствия”, когда этнокультурная определенность не противоречит осознанию идентичности гражданской (с. 121).

Авторам удалось проследить тесную связь между гражданской и локальной идентичностями и констатировать, что высокий уровень локальной идентичности является тем ресурсом, использование которого будет способствовать формированию как устойчивой национальной, так и устойчивой гражданской идентичности (с. 136). А вот европейская идентичность имеет скорее “инклюзивный характер”, поскольку легко сочетается с другими социальными идентичностями. Исследование показало, что студенты, идентифицирующие себя как европейцы, в большей мере склонны к восприятию и комбинированию различных социальных идентичностей. Вместе с тем показательно, что именно представители этой группы имеют более высокие показатели академической успешности, более амбициозные профессиональные планы, а следовательно, комбинирование европейской идентичности с гражданской является важным ресурсом развития страны (с. 157–158).

Довольно странная, не слишком распространенная, но уверенно воссоздающаяся среди студенчества советская идентичность интересно проанализирована в монографии в плане ее возможных истоков. Учитывая ограниченность эмпирической базы, авторы прибегают к анализу имеющихся дискурсов “советскости” — негативного и ностальгического — и приходят к выводу о том, что именно последний воспроизводит в молодежной среде по крайней мере “номинальную” идентичность “советского человека”. Парадоксальность ситуации состоит в том, что конструирова-

ние идентичности в координатах “советскости” для современного студенчества почти не связано с коллективистскими ценностями. По мнению авторов, это свидетельствует скорее о “внешнем” обозначении принадлежности к несуществующей общности как способе контридентификации, что позволяет осуществлять стратегии самоконструирования, альтернативные предложенным властным дискурсом (с. 195). На примере анализа этой идентичности хорошо видно, в какую сторону должны развиваться дальнейшие исследования проблем социальной идентификации. Авторские предположения должны быть подтверждены или опровергнуты в процессе реализации дополнительных исследовательских проектов — не только количественных, но и качественных.

Вторая часть монографии посвящена исследованию жизненных ориентаций и практик украинского студенчества. Авторы пытаются проанализировать факторы, детерминирующие процессы (само)идентификации личности в условиях общественных изменений. Привлекает внимание анализ ценностной плюрализации и дифференциации современного украинского студенчества в координатах традиционализма, модернизма и постмодернизма, особенно динамика этого процесса. В частности исследование подтверждает доминирование в студенческой среде модернистского ценностного дискурса и постепенное уменьшение как группы “постмодернистов”, так и группы “традиционалистов” (с. 277).

В то же время существенных изменений в нравственных ориентациях украинского студенчества не происходит. По крайней мере анализ принципов социального взаимодействия в координатах “коллективизм — индивидуализм” и “толерантность — агрессивность” показывает, что принципы коллективизма пользуются гораздо большей поддержкой, нежели принципы индивидуализма, хотя по оси толерантность — воинственность наблюдается деление на две количественно очень близкие группы (с. 316). Впрочем, нужно иметь в виду, что воинственность в межличностных взаимодействиях не означает доминирования принципа враждебности как почвы конструирования гражданской идентичности, хотя более высокий уровень личностной толерантности действительно связан с более высокой степенью гражданской идентичности (с. 322). Результаты исследования подтверждают, что среди студенческой молодежи механизм консолидации на основе образа общего врага не является ни массовым, ни доминирующим — для студенчества Украина не является страной “этнических украинцев” или землей между Польшей и Россией (с. 386). В целом тема толерантности развивается авторами в разных направлениях, в частности, чувство враждебности исследуется в связи с моно- и полиэтническими отношениями, выделяются факторы интолерантности и т.п. Учитывая важность толерантности в молодежной среде, уместен также специальный подраздел, посвященный социальным технологиям ее формирования, таким как привлечение студенчества к волонтерской деятельности.

Содержательным и основательным является анализ проблем конструирования культурного капитала украинского студенчества. Опять-таки речь идет о подтверждении того, что украинское социокультурное пространство обладает неустойчивой системой идентификационных координат, поэтому гражданская идентичность не выполняет ориентационной функции, по крайней мере в профессионально-ориентационном и социоструктурном измерениях (с. 365).

Наконец, поиски молодежью своего места в жизни тесно связаны с эмиграционными настроениями в молодежной среде. В то же время сложность идентификационных процессов как раз и заключается в том, что идентификационный портрет и “потенциальных эмигрантов”, и “патриотов” содержит все предложенные модели идентичностей (с. 466). Помимо мобильности географической отдельно исследуется мобильность академическая, в частности обсуждаются преимущества и риски актуализации данного феномена. Первым в ряду возможных рисков авторы называют опасность потери страной наиболее подготовленной и настроенной на самореализа-

цию части молодежи. Этот риск представляется весьма актуальным, поскольку стратегия самоактуализации не превалирует в представлениях молодежи о жизненном успехе. Большинство студенчества ориентировано на “иждивенческое достижение”, на поддержку извне, а не на собственные силы и не особенно обеспокоено тем, каким путем будет достигнут результат (с. 509–510).

Большой авторский коллектив, в котором представлены социологи всех поколений — от хорошо известных докторов и кандидатов наук до молодых аспирантов и даже магистров — создал весьма яркую и насыщенную книгу, знакомство с которой будет интересным и полезным для этого же круга читателей — от ведущих социологов до студентов. Сюжеты, обозначенные в этой рецензии, не претендуют на описание исследования во всей его полноте. Это скорее приглашение читателя к самостоятельному ознакомлению с книгой, в которой собран интересный эмпирический материал и предложены оригинальные теоретические гипотезы касательно проблем формирования идентичности современного молодого человека.

ЕЛЕНА ЮРКЕВИЧ,

доктор философских наук, заведующая кафедрой логики Национального университета “Юридическая академия” имени Ярослава Мудрого, Харьков

Концепция социальной визуалистики: от отражения — к изображению

Батаева Е.В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики : Монография. — Харьков: ФЛП Лысенко И.Б., 2013. — 349 с.

“Глаз” и “ухо” — два органа восприятия, две гносеологические позиции, которые формируют образы социального мира. На смену “отражающей” оптике в XIX столетии пришло Хайдеггерovo “говорящее бытие”, которое необходимо слышать. Аудиальные смыслы задали контексты понимания, уточняя визуальные практики. Но во второй половине XX — начале XXI столетия социальная философия и социология пришли к пониманию относительности единого образа социального мира; кризис государственных идеологий, развитие информационного общества способствовали раскрепощению творческой энергии современного человека, который с безответственной непосредственностью приступил к социальному экспериментированию. Образы социального мира стали множиться, неподлинныe миры переплелись с под-